

Протоиерей Владимир РЫБАКОВ

СВЯТОЙ ИОСИФ ПЕСНОПИСЕЦ и его песнотворческая деятельность*

I

Богослужение Православной Церкви представляет самое широкое поле для всевозможных исследований. И много уже сделано в этом отношении. Но и после многих трудов в этой области весьма компетентных исследователей, и наших, и зарубежных, все-таки остается много такого, о чем нет почти никакой литературы. Можно указать на вопрос о самом плодовитом греческом песнотворце Иосифе Сицилийце, так много давшем для богослужебных книг Православной Церкви.

При первом, даже беглом знакомстве со славянскими богослужебными книгами нельзя не остановить своего внимания на том, что очень многие каноны, трипеснцы, четверопеснцы имеют в надписании имя — Иосиф, Иосифа, Иосифово, господина Иосифа. Даже беглый подсчет подобных произведений поразит огромной цифрой. К этому следует еще прибавить, во-первых, очень много канонов, находящихся в печатных славянских Минеях, не подписанных именем Иосифа, но несомненно принадлежащих ему, во-вторых, также много канонов, отличных от славянских печатных богослужебных книг, находящихся в греческих печатных богослужебных книгах. А какое множество подобных канонов святого Иосифа, теперь забытых, сохраняется в рукописях разных библиотек России, Востока и Запада! Создается впечатление колоссальной песнотворческой деятельности святого Иосифа. Не даром у некоторых западных исследователей греческой церковной гимнографии, как, например, у кардинала Питры, возникало прямо смущение: приписать ли всю эту громаду одному лицу? Не даром православные греки, современники святого песнописца, в объяснение многоплодной деятельности святого Иосифа Гимнографа, как и подобной же деятельности своего другого песнописца святого Романа Сладкопевца, создали сказание о божественном даровании святому Иосифу песнотворческого дара. Ученый француз Леклерк (Leclercq) в большой своей работе, посвященной греческой гимнографии, приписывает святому Иосифу Сицилийцу более 1000 канонов, обнимающих 8—9 тысяч песней¹.

Естественно спросить: кто же этот столь плодовитый автор? Кто же этот святой Иосиф? Какова его песнотворческая деятельность? Каков состав и строй его произведений? Каковы законы церковной гимнографии, которыми он руководился? Каково его значение как церковного песнописца? Подобные вопросы есть дело не только научного любопытства, научного интереса, а скорее интереса практического, выдвигае-

* Печатается в сокращении.

мого требованием сознательного отношения к нашим богослужебным книгам.

Личность святого Иосифа Песнописца и его песнотворческая деятельность стала привлекать к себе внимание ученых греков и итальянцев с XVII в. Немного о нем говорит Лев Алляций в некоторых своих трудах (например: *De libris ecclesiasticis*, 1645 и др.), указывая песнотворческие труды святого песнописца в церковных богослужебных книгах православных греков, хотя он приводит довольно слуханные данные. Такого же характера суждения и другого ученого, Фабриция. Более правильные данные о святом Иосифе сообщает ученый Octavius Caietanis в своей книге, посвященной святым острова Сицилии (*Vitae SS. Siculorum*, 1657); он сообщает о святом Иосифе биографические данные и перечисляет его каноны. Первый материал дает ему взятое из рукописи житие святого Иосифа, написанное ритором диаконом Иоанном; а второй, очевидно, дают рукописные богослужебные книги. Кайетан насчитывает во всех греческих богослужебных книгах более 300 канонов святого Иосифа Сицилийца. Но, кажется, более внимательно деятельностью святого Иосифа занимался итальянский ученый Ипполит Мараччи, или Маракциус (*Magaccius*). Он, очевидно, собирал труды этого песнописца по разным печатным и рукописным богослужебным книгам; по крайней мере от него остался сборник богородичных тропарей из канонов святого Иосифа, напечатанный в Риме в 1661 году, под названием «*Mariale*». Житийный материал о святом Иосифе напечатан потом в *Acta SS.* (Apr., t. 1) с научным предисловием, а потом все это вместе с «*Mariale*» перепечатано в патрологии Migne'я (*gr. Ser.*, t. CV). Всеу этому материалу у Migne'я предшествуют *notitii* — ученые замечания, теперь уже в значительной степени потерявшие свое значение. Лучше всех разработана за границей теоретическая сторона греческой церковной гимнографии. Работы в этом направлении кардинала Питры, Стевенсона, Эдмонда Буви, Кристи, Луи Пти и других ученых дают нам возможность рассмотреть и понять строй церковно-песенных греческих произведений, следовательно, и произведений святого Иосифа. Из всех этих трудов только, кажется, работы Питры отчасти реферированы русскими учеными и помещены в наших специальных журналах. На русском языке можно читать о святом Иосифе Песнописце в Четии Минец, составленной святым Димитрием Ростовским (материал для жития взят из *Acta SS.*). Потом в сочинении архиепископа Черниговского Филарета «Исторический обзор песнопевцев и песнопений Греческой Церкви». Но здесь дается очень кратко самая жизнь святого Иосифа и опять очень краткое и неполное описание песнотворческих его трудов. Можно еще указать на работу профессора Петербургской Духовной Академии В. Долоцкого («Христианское чтение», 1860, ч. II: «Когда и кем написаны греческие службы, входящие в состав месячных миней»); но профессор Долоцкий занимается всеми минейными песнопениями, давая далеко не исчерпывающие сведения о святом Иосифе. Есть еще ряд незначительных или малозначительных работ, как, например, архимандрита Иннокентия, протонерея Флоринского, протонерея К. Никольского, касающихся общих вопросов о всех богослужебных книгах и не чуждых нередко ошибочных и противоречивых суждений. Совершенно особо должна быть поставлена по своему достоинству одна очень солидная работа, вышед-

шая в 1910 году, профессора И. А. Карабинова — «Постная Триодь», но она трактует о песнотворческой деятельности преподобного Иосифа не во всем объеме, а постольку, поскольку это касается названной богослужбной книги. Словом, сколько-нибудь удовлетворяющей предмет литературы, особенно литературы монографического характера, о знаменитом греческом песнописце и его песнотворческой деятельности нет. И теперь, принимаясь за эту работу, автор далек от мысли, что он своим трудом вполне восполнит этот пробел. Нет. Эта работа такова, что для нее нужно несколько жизней. Она по самому существу своему требует долгого кропотливого труда и преимущественно над рукописным материалом. Для того чтобы составить более полное и правильное суждение о песнотворческой деятельности святого Иосифа, нужно осмотреть все рукописные хранилища Востока, Запада и России, нужно перелистывать тысячи, буквально тысячи разных богослужбных рукописей; перелистывать внимательно, прочитывать и изучать, а не ограничиваться описанием других лиц, потому что описания эти, как бы они ни были хороши сами по себе, в большинстве случаев не преследуют тех задач, какие поставил себе автор, и, следовательно, не могут удовлетворить последнего. Кроме того, после описания всех трудов святого Иосифа надо критически проверить самый текст, указать варианты, позднейшие исправления и подделки и т. д. А это опять-таки едва ли возможно для одного человека. И автор этого труда поэтому ставит себе самую скромную задачу — дать возможный очерк жизни и характеристику песнотворческой деятельности плодовитейшего греческого песнописца в пределах того печатного и рукописного материала, какой он мог иметь под руками и изучать.

Автор рассмотрел: рукописный богослужбный отдел на славянском языке Софийской библиотеки, хранящийся теперь в Ленинградской Публичной библиотеке, соответственный рукописный отдел при той же библиотеке на славянском и греческом языках; соответствующий отдел Московской Синодальной библиотеки на греческом и славянском языках; рукописные богослужбные книги Московской Типографской библиотеки на славянском языке; греческие богослужбные рукописи Румянцевского музея. Из книгохранилищ Востока рассмотрены богослужбные рукописи библиотеки Иерусалимского Святогробского метоха в Константинополе и рукописи различных монастырских библиотек Святой Горы Афонской на греческом и отчасти на славянском языках.

Богослужбный отдел Софийской библиотеки весьма богат; одних месячных Миней, которые были преимущественным предметом рассмотрения, насчитывается почти 300 экз.; из них 24 экземпляра на пергаменте. Все эти Миней разной древности, начиная с XI века; писанные же на бумаге — XV и XVI вв. Кроме Миней месячных, рассмотрению подлежали: Миней праздничные, Трефолой, Стихирари, Октоихи, Триоды — Цветная и Постная, богослужбные сборники.

При Ленинградской Публичной библиотеке из рукописного богослужбного отдела были обследованы четыре собрания греческих библиотек: 1) собрания епископа Порфирия Успенского; 2) архимандрита Антонина Капустина; 3) Сафарова и 4) бывшего профессора Петроградского университета А. И. Пападопуло-Керамевса. Из славянского же богослужбного рукописного отдела преимущественно пергаментные.

В московских библиотеках — Синодальной Типографской и Румян-

цевского музея рассмотрены преимущественно греческие и славянские Минси, Триоди, древние из писанных на бумаге.

На Афоне нами рассмотрены преимущественно греческие Минси и Триоди, Октоихи и Сборники, как на пергаменте, так и на бумаге. Мы обследовали библиотеки следующих монастырей: Пантелеимонова, Ватопедского, Каракаллы, Есфигмена, Дохиара, Иверского, Ксенофского, Андреевского, Зографского, Хиландарского. Главный материал нам дали преимущественно библиотеки Пантелеимонова, Иверского, Ксенофского и отчасти Ватопедского монастырей.

Конечно, обычный научный путь — это знакомство с произведениями известного писателя по первоисточникам, и в данном случае по рукописям на греческом языке. Но для произведений отдаленнейшей эпохи, при недостатке сохранившихся оригиналов и копий на родном языке, представляется возможным привлекать те или другие переводы этих произведений, особенно переводы ближайшие по времени к той эпохе. И нередко бывало, что потерянный оригинал какого-либо произведения находился сохранившимся в переводе соседнего народа. Пора христианизации наших предков славян совпала с тем временем, когда греческие богослужебные книги стали приобретать некоторую определенность, будучи составляемы из песнопений прежних и современных составлению книг церковных песнописцев преподобных Иоанна Дамаскина, Космы Маюмского, Феодора Студита, Феофана и, главным образом, Иосифа Песнописца и др. В таком составе богослужебные книги перешли тогда в переводе и к нам, сохранив в той или другой степени произведения преподобного. Поэтому наши богослужебные рукописи могут быть бесполезными при рассмотрении произведений церковных песнописцев, в частности преподобного Иосифа. В последующие столетия в самой Греции с канонизацией новых святых и появлением новых празднеств прежний минейный календарь претерпел значительные сокращения; многие памяти и службы были совсем опущены; были оставлены и некоторые каноны преподобного Иосифа, особенно в честь малоизвестных святых. Это изменение отразилось и в наших богослужебных книгах, вновь переводимых, тем более что и наш русский календарь стал, в свою очередь, тоже увеличиваться от внесения памятей русских святых и русских праздников. Отсюда чем древнее известная богослужебная рукопись, тем она приобретает для нас большую ценность; рукописи же позднейших веков по своему составу приближаются к нашим первым печатным книгам. Конец XIV в. и весь XV в. можно считать пределом, до которого есть еще надежда найти в рукописях забытые каноны преподобного Иосифа; после же этого предела, за самыми немногими исключениями, поиски являются почти бесполезными.

II

Источники: жития и синаксари. Житие Малое Феофана. Сокращенные его редакции: по Афонской рукописи № 769 Пантелеимонова монастыря, по рукописи № 240 Ленинградской Публичной библиотеки, Житие Большое Иоанна диакона. Сравнение обоих житий в отношении исторического материала и хронологии. Синаксари. Канон в честь преподобного Иосифа Песнописца, как исторический материал.

Источниками, откуда мы можем почерпнуть сведения о жизни и деятельности преподобного Иосифа, являются жития его и синаксарные

сказания. Известны два жития: краткое и пространное, или Малое и Большое. Первое было написано ближайшим учеником и непосредственным его преемником по управлению монастырем игуменом Феофаном. Текст этого жития долгое время был неизвестен, хотя существование его устанавливалось показанием автора второго жития, пользовавшегося Феофановским сочинением. Болландисты считали таким помещаемый ими на страницах своего издания синаксарь *Sagomontanum*, как лучший, по их мнению, из всех и основной, которому почти (*ferè*) следуют другие манускрипты². Но в 1901 году покойный профессор Петроградского университета А. И. Пападопуло-Керамевс издал по рукописи XII века, находящейся в Парижской Национальной библиотеке под № 1534, доселе неизвестный текст названного жития, с полным надписанием в начале, указывающим автора. Это житие имеет для нас особенную ценность. Оно, во-первых, самое раннее по времени. Оно, вероятно, написано вскоре после кончины преподобного Иосифа († 883) и после кончины патриарха Фотия († 897)³ и не позже самого конца IX века. Издатель жития справедливо полагает, что последняя глава (XVIII) содержит черты современности и написана под непосредственным впечатлением переживаемых обстоятельств. Автор жития просит преподобного Иосифа, чтобы он умолил Владыку Христа умиротворить Церковь, изъять из среды ее все соблазны, сохранить православную веру до окончания века непоколебимой и т. п. Чувствуется, что это не просто обычный фигуральный прием летописца, а это есть истинная скорбь души, болеющей о современных недугах Церкви и церковной жизни. Восточную Церковь тогда возмущали горделивое отношение Запада, вызывавшее раскол, и догматические там нововведения, как учение об исхождении Святого Духа и от Сына... Все это было отчасти сглажено и несколько прекращено Константинопольским собором при патриархе Антонии и папе Иоанне IX — в самом начале X века (900—901)⁴. Следовательно, Феофан, молясь о прекращении церковных ненормальностей, писал свой труд до этого собора. Во-вторых, житие ценно тем, что оно писано непосредственным свидетелем значительного периода жизни и деятельности преподобного Иосифа. В своем сочинении Феофан указывает, что он учился у преподобного Иосифа с детства⁵, что он был им пострижен⁶ и под его руководством проходил школу монашеской жизни, был самым близким и любимым его учеником, так что преподобный Иосиф пред своей кончиной без колебаний избрал его себе преемником в монастыре и, как такового, представил патриарху Фотию⁷. Вероятнее всего, что Феофан пришел к преподобному, когда он уже основал свой монастырь около храма Иоанна Златоустого, и, следовательно, за исключением времени изгнания преподобного Иосифа в Херсон, все время был с ним и мог хорошо знать жизнь преподобного на протяжении значительного периода по непосредственному наблюдению⁸, то же, чему он не был сам свидетелем, он мог узнать от других, как он заявляет в первой главе своего труда⁹.

О своем сочинении Феофан думает очень скромно: труд — без достоинств и писан спешно¹⁰. Последнее отчасти можно наблюдать и в самом тексте, автор нередко вместо подробного изложения какого-либо события или описания подвига или характера преподобного заявляет о своем стремлении сказать кратко или сократить то, что растянуто на

протяжении долгого времени. Очень возможно, что благодаря своей спешности он многое мог опустить совсем, многое только наметить. Но и при указываемой спешности и стремлении к сокращению Феофан пишет житие вполне по тогдашним правилам, со введенным, изложением и молитвенным заключением, с разными вводными риторическими фигурами, метафорами, сравнениями, обращениями, восклицаниями и с значительным учительным элементом. Это, конечно, минус для историка, но все-таки житие представляет много ценного исторического материала.

Труд Феофана послужил основанием для целого круга синаксарей, составленных почти из выражений Феофановского жития. А. И. Пападопуло-Керамевс обращает внимание на три подобных редакции синаксарей¹¹ и приводит для сравнения, после текста жития, четвертую, взятую им из одной рукописи XV века, как более близкую к основному тексту жития, хотя и имеющую уже значительную вставку под влиянием других источников. В дополнение к этим мы можем указать еще новую редакцию, представляющую почти буквальное воспроизведение Феофанова жития в его исторической части. Эта редакция найдена нами в библиотеке Афонского Пантелеимонова монастыря, в греческом рукописном Прологе № 769.

В этом Прологе на листах 220-а, 220-б, 221-а и 221-б и находится самый текст указываемого нами жития. Сравнивая этот текст с текстом Малого Феофановского жития Иосифа Песнописца, изданного профессором А. И. Пападопуло-Керамевсом, нельзя не заметить, что автор первого, несомненно, имел под руками последний, с большим искусством сокращая его, оставляя только главное фактическое содержание. Афонская редакция с сокращением воспроизводит из восемнадцати глав Феофанова сочинения одиннадцать, именно: II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XII и XVI. Эпитоматор весьма часто берет у Феофана подлинные выражения, но пользуется ими в меру, искусно связывая их, а в иных нередких случаях самые факты передавая в крайне сокращенной форме, причем одним из излюбленных им приемов такого сокращения является употребление родительного независимого. Близкое отношение нашей редакции к оригиналу особенно должно быть подчеркнуто при сравнении с другими известными синаксарными сказаниями о знаменитом греческом песнописце. Тогда как последние синаксари сохраняют на себе следы многих влияний и Малого и Большого житий и других источников, наша редакция отображает влияние только одного Малого жития.

Непосредственное сравнение двух рукописей обнаруживает, что житие преподобного Иосифа по рукописи Ленинградской Публичной библиотеки короче первого, написано более сжато, в одних местах более определено, в других без желания расшифровать описательную формулу Феофана. В частности, относительно варваров, сделавших нападение на Сицилию и разрушивших ее, сказано, что это были агаряне. От меча последних Иосиф бежал в Пелопонес с матерью и братьями, то есть по рукописи Публичной библиотеки передается это ближе к Афонской рукописи в отношении матери, но ближе к Феофановской редакции в отношении братьев. Относительно времени выступления на общественное служение Иосифа сказано вообще, без каких-либо личных указаний: «Когда же возродилась христорборческая ересь иконоборцев», то есть рукопись Публичной библиотеки ближе к рукописи

Афонской и житию Феофана. Когда Иосиф построил свой монастырь, перенес туда мощи апостола Варфоломея и Григория Декаполита и воздвиг храм во имя их, то был в большой заботе — украсить песнопениями. Опять так, как в рукописи Афонской, то есть праздник его одного — именно апостола Варфоломея. Изгнание Иосифа указанная рукопись знает только одно, от Варды, и в г. Херсон, причем открывает и причину изгнания, расширявая таким образом краткое выражение Феофана. Но в рукописи Ленинградской Публичной библиотеки есть одна подробность, которой нет ни у Феофана, ни в Афонской рукописи, которая касается вопроса о заказчиках канонов. Получив благословение от апостола Варфоломея слагать священные песнопения, Иосиф... В этом отношении рукопись Публичной библиотеки близка к синаксарю, который дает профессор А. И. Пападопуло-Керамевс по рукописи XV века¹².

Второе, пространное житие преподобного Иосифа написано ритором диаконом Великой Константинопольской церкви Иоанном, жившим в XI в. и не позже XII в. Текст пространного жития находится в Acta SS. (Arg., t, 1) и у Migne'a (PG., t, CV, col. 939—976). Труд Иоанна своей основой и главным источником имеет сочинение Феофана, по мнению Иоанна, неполно излагающее всю жизнь и подвиги преподобного Иосифа. В III главе пространного жития автор указывает: «Жизнь сего блаженного (т. е. Иосифа) составлена неким Феофаном, удостоенным священного сана пресвитера и зачисленным в списки монахов. Однако он (Феофан) упустил из его жизни, так как труд свой составлял с поспешностью. И, конечно, в чем тот (т. е. Феофан) сократил жизнь сего блаженного, в том побуждает нас на широту рассказа¹³. Таким образом, этот последний биограф ставит своей задачей восполнить краткость Феофанова жития, изложить его более полно и более красиво¹⁴. «Действительно, — скажем словами А. И. Пападопуло-Керамевса, — Иоанн следует шаг за шагом за Феофановскими записками, занимая из них иногда целые выражения, которые он развивает, разными подробностями»¹⁵. Но, к сожалению, большая часть этих подробностей должна быть отнесена к области одной риторики. Если у Феофана мы находим пользование риторическими фигурами, разными метафорами, сравнениями, обращениями, то здесь все это в значительной степени расширено, увеличено. С целью назидания читателей здесь особенно распространен учительный элемент, причем автор с особенной любовью останавливается на той стороне жизни и деятельности преподобного, которая характеризует его как монаха-подвижника.

Как видно, в области фактов диакон Иоанн вносит следующие существенные изменения и дополнения. Прежде всего он относит первую противиконоборческую деятельность Иосифа ко временам императора-иконоборца Льва Армянина. Вероятно, диакон Иоанн так расшифровывал приводимое нами выше феофановское нарочито скрытое выражение о царе, ненавидящем Бога. Может быть, некоторый повод к такому расшифрованию могла подать подобная рукопись, как Афонский Пролог за № 769, где, как мы видели, уже прямо называется нечестивый император-иконоборец Лев (м. б. Исавр, м. б. и Армянин). Вторых, диакон Иоанн указывает второе противиконоборческое выступление Иосифа, в царствование иконоборца императора Феофила, каковое закончилось для Иосифа изгнанием в неизвестное нам место¹⁶.

Наконец, последнее дополнение касается назначения преподобного Иосифа при патриархе Фотии духовником для столичного духовенства¹⁷.

На основании каких данных диакон Иоанн прилагает к Феофановскому житию два последних дополнения, неизвестно, но он в своем утверждении остается одиноким, так как больше нет решительно ни одного еще исторического подтверждения.

Кроме указанных изменений и дополнений, диакон Иоанн делает значительный пропуск, именно: он ни слова не говорит о Варде и изгнании при нем Иосифа в г. Херсон. Совершенно неизвестно, почему он позволяет такое умолчание, когда об этом отчетливо, хотя и в общих выражениях, говорится у Феофана. Здесь можно строить только одно предположение, как это делает, например, профессор А. И. Пападопуло-Керамевс. Последний говорит, что диакон Иоанн ввел второй эпизод о противоиконоборческой деятельности преподобного Иосифа при императоре Феофиле ради возвеличения славы преподобного как исповедника за иконы¹⁸. По-видимому, из текста можно усматривать отчасти старание Иоанна в этом направлении. В последней главе (XXXVIII) своего труда, обращаясь с молитвою к преподобному, автор выражает уверенность: «Ты имеешь многое дерзновение (пред Богом), как положивший свою блаженную душу за святые Его иконы»¹⁹. Но ограничиться изложением его деятельности в защиту святых икон в одно царствование (как это представляется у Феофана) автору показалось мало, тем более что противоиконоборческая деятельность преподобного в царствование Льва Армянина не была рельефно выраженной, самостоятельной и скорее проявилась (по словам того же диакона Иоанна) только в посольстве преподобного в Рим к папе. Поэтому биограф вводит подобный же другой эпизод о самостоятельной уже деятельности святого Иосифа в защиту святых икон при императоре-иконоборце Феофиле и, вероятно, отождествляет его (эпизод) с делом Варды и изгнанием преподобного в Херсон. Но все это предположения, без подтверждения историческими и другими данными. Одно несомненно, что диакон Иоанн ради каких-то целей пренебрег в данном случае своим основным источником, перепутывает и затемняет события, запутывает хронологию. Запутанность хронологии Большого жития особенно обнаруживается при сравнении с хронологией Малого жития.

На основе этих двух житий строится вся синаксарная литература о преподобном Иосифе, причем большинство синаксарей, особенно древних, как мы уже указывали, базируется на Феофановом житии, до буквального почти заимствования из него, в более же поздних иногда присоединяются запутывающие дополнения из пространного жития. Отчего в синаксарях нередки анахронизмы. Типичным примером может служить синаксарь, приводимый у Мigne'я в CV томе Греческой серии на с. 930. Здесь, например, сказано о преподобном Иосифе: «И много подвизаяся в православной вере за иконы, он был изгнан в Херсон, при нечестивом армянине, от известного Варды осужденный, славно его обличивший» и т. д. Здесь, очевидно, спутаны оба источника: указывается и изгнание при Варде за обличение и при Феофиле за иконопочитание.

Самым существенным недостатком житий и синаксарных сказаний является отсутствие хронологических дат: «тогда», «потом», «немного

спустя», «не мало» — вот обычные хронологические указания, заставлявшие ради выяснения хронологии прибегать к другим, более точным хронологическим датам в других источниках и сопоставлениям с точно известными событиями.

Некоторые данные о преподобном Иосифе дает еще один канон, написанный в честь его и помещаемый в печатной славянской Минее под 4 апреля²⁰. Канон, несомненно, древний, написанный под влиянием Феофанова жития и отчасти сам послуживший материалом для труда диакона Иоанна. В IX, 3 тропаре певец просит преподобного Иосифа: «Не престани поминать словесных твоих питомцев, но, как, живя, ты помогал (нам), так и теперь, переселившись к жизни нескончаемой, не оставляй...» Вероятно, канон составлен одним из питомцев преподобного, вообще одним из тех, кто учился у него или жил при нем, может быть в его монастыре, где была некоторого рода школа песнописцев. В Петровом прологе Пантеленмонова монастыря под 3 апреля, после памяти преподобного Иосифа, указано: канон Еводия. Указываемый нами канон тоже 2-го гласа с тем же ирмосом. Но есть ли это один канон? По-видимому, да. Во II Отд. Библиотеки Академии наук в числе греческих рукописей есть пергаменный лист из служебной Минее, по-видимому, XIII в. Большая часть листа занята службой на 3 апреля. То есть тот самый канон, который мы нашли в греческой рукописной Минее Пантеленмонова монастыря, под № 51, и что помещен в нашей славянской печатной Минее. По-видимому, и Еводий есть тот самый, который вместе с преподобным Иосифом, по случаю освящения храма Амморейским мученикам, по поручению императора Василия Македонянина писал в честь мучеников похвальное слово, а преподобный Иосиф канон²¹. Если так, то возможно, что Еводий и Иосиф были друзьями, и возможно, что Еводий и почтил преподобного песнописца, по его кончине, целым каноном.

В некоторых местах у автора есть близость с Феофаном, особенно в характеристике песнопений.

Влияние этого канона сказалось на пространном житии. Например, нам думается, последняя (в главе XXXV жития) торжественная встреча, оказанная всеми святыми, вместе с Богородицей, святой душе песнописца, не имеющая никакой основы в Феофановом сказании, навеяна IX, 2 тропарем канона и дополнена другими источниками по требованию житийной схемы²²: «Лики ангелов, апостолов множество, Богородица с Крестителем, пророков собрание, чины священства с подвижниками, воинство мучеников — венчают тебя, Иосиф, безмерными похвалами»²³. Вероятно, диакон Иоанн в начале X своей главы и имеет в виду этот канон, говоря: «Пусть иной в псалмах и песнях прославит и почитит божественными похвалами непреклонного и крепкого благородного подвижника и возвеличит неподражаемую в отношении слов его способность».

Этот канон как раз изображает преподобного как подвижника и неподражаемого песнописца. Таким образом, в каноне мы имеем подтверждение Феофана и отчасти источник для пространного жития.

III

Родиною преподобного Иосифа был один из городов Сицилии. Первый биограф Иосифа, его ученик Феофан, не называет по имени родного

города преподобного, но отмечает его как город знаменитый, дававший и прежде немало даровитых и знаменитых людей. Может быть, это были Сиракузы — центр тогдашней культурной жизни Сицилии. Может быть, поэтому некоторые из последующих жизнеописателей преподобного и прилагали к его имени эпитеты Сицилийца — Сиракузянина, определенно называя местом рождения Сиракузы. Но ни Феофан, ни диакон Иоанн не дают подобной подробности.

Время рождения преподобного точно неизвестно и может быть определено только приблизительно. Если мы постараемся восстановить его на основании указанных выше житий, то получим такую дату, которая с данными позднейших историков и исследователей расходится почти на столетие.

Такая большая разница заставляет нас рассмотреть вопрос более подробно.

Самую позднюю дату времени рождения преподобного Иосифа указывает Георгий Пападопулос. На каком основании Г. Пападопулос высказал это предположение, неизвестно; равным образом он не сообщает никаких исторических данных из жизни преподобного Иосифа, чтобы по ним можно было, хотя бы сколько-нибудь, проверить его хронологию. Но принять эту дату встречаются самые решительные препятствия. Несомненно известно, что преподобный Иосиф скончался в 883 году и, как увидим, в почтенном возрасте, в глубокой старости. Какой же почтенный возраст в 43 года?

Наш русский исследователь по агиологии Хрисанф Лопарев в своем большом труде «Византийские жития святых VIII—IX вв.», говоря о преподобном Иосифе на основании жития, составленного учеником его Феофаном, склоняется отнести время рождения Иосифа к 813 году²⁴. Этот год он получает путем вычитания из 883 (года кончины преподобного) 70 лет всего времени жизни Иосифа, так как святой Иосиф скончался, как видно из Феофанова жития, в седом почтенном (возрасте) и таком времени, какой предел человеческой жизни знает великий Давид, поя в псалмах: «Лет наших седмьдесят» (Пс. 89,10). К подобному указанию Феофана о возрасте преподобного песнописца мы должны бы отнести с полным уважением; Феофан — ученик святого Иосифа и, несомненно, мог лучше всякого другого знать о годах жизни своего учителя. Но верно ли мы понимаем выражение жития о псаломском возрасте? Не есть ли это просто риторическое выражение соответственно словам псалма 89, 10? Не значит ли оно, что святой Иосиф достиг вообще почтенного возраста, так называемого «псаломского», о котором псаломпевец говорит: «Дни лет наших, в них же седмьдесят лет, аще же в силах, осмьдесят лет и множае их труд и болезнь» (Пс. 89, 10)? Не хотел ли автор жития указать таким образом только меньший предел этого псаломского возраста, нисколько не заботясь о полной точности? Дело в том, что буквальное понимание этих слов Феофана вызывает некоторые несообразности и недоразумения.

Положим, что святой Иосиф, согласно некоторым житиям, выступил на общественную деятельность при императоре Феофиле, когда последний уже определенно заявил себя ярким иконоборцем, то есть в 832 году. В это время преподобный Иосиф был в Константинополе, был иеромонахом и подвизался за иконы против еретиков. Сколько времени он был тут до 832 года, точно неизвестно. Биограф преподобного Иоси-

фа его ученик Феофан делает одну характерную заметку. Говоря о совместных аскетических подвигах и других занятиях своего учителя с преподобным Григорием Декаполитом в Константинополе, у храма священномученика Антипы, и обобщая все это в двух словах, он замечает; «Да скажу кратко о том, что растянуто на протяжении долгого времени»²⁵. То же свидетельствует К. Икономос, указывая, что Иосиф пробыл в Константинополе достаточно времени. Во всяком случае одно несомненно, что преподобный Иосиф не был в Константинополе совсем новым новичком: он известен православным, ему поручается большое дело быть легатом пред папой и т. д. Более чем вероятно, что он мог быть тут минимум 1—2 года (хотя, как увидим ниже, он пробыл в Константинополе гораздо более); тем более, что по приходе сюда святой Иосиф с преподобным Григорием Декаполитом сначала затворяются при одном храме и предаются усиленным монашеским подвигам, и только потом уже, когда иконоборцы стали сильно действовать против Православия, они выступили против еретиков. Итак, положим, что святой Иосиф мог прибыть в Константинополь около 830 года, когда ему было 17 лет, и он уже был иеромонахом. 15-ти лет он принял монашество, а через два года — священный сан. Это сомнительно и не имеет за собой никаких решительно оснований и намеков в самих источниках.

Жития и синаксарные сказания дают представление о более продолжительном времени, протекшем от пострижения преподобного Иосифа до принятия им священного сана.

В III и IV главах Малого жития рассказывается о монашеской жизни преподобного в Солунском монастыре, о его усиленных подвигах поста и молитвы, о его занятиях по изучению и переписке Священного Писания, о его разных добродетелях, в которых, возрастая и орошаемый, как древо, насажденное при водах (Пс. 1, 3), он преуспевал возрастом и благодатию...; указывается, что он заботился о высшей мудрости, суровым образом жизни подавляя плотское и удерживая его частою исповедью пред духовным отцом; говорится, что он достиг больших успехов в добродетели, блистал совершенствами и когда был преисполнен духовных плодов, то, почитаемый всеми, был удостоен степени пресвитера²⁶. То же самое мы видим в рукописном Афонском синаксаре²⁷ и в Прологе, находящемся в Афонской Пантелеимоновой библиотеке²⁸. Словом, до принятия священного сана святой Иосиф представляется со значительным подвижническим опытом, который приобрести в 1—2 года едва ли бы мог. Нам думается, раннее посвящение в священный сан было бы особенным чрезвычайным событием в жизни преподобного²⁹, и едва ли бы биографы не отметили его характера, если бы оно было таково на самом деле³⁰. Скорее, его не было. И рождение преподобного Иосифа нужно относить к более раннему времени, чем указывает Хрисанф Лопарев.

Несколько другие хронологические даты сообщают синаксарист Никодим Святогорец и Константин Икономос.

Первый точно указывает время выступления преподобного Иосифа на общественную деятельность, называя 832 год. Эта дата вполне согласна с Феофановым житием, где, как увидим ниже, автор, не называя имени нечестивого царя, виновника церковного возмущения, все-таки описательно дает понять, что это никто другой, как Феофилос. Весь ход исторических событий из жизни преподобного Иосифа Никодим Свято-

горец передает в таком виде. Иосиф, по изгнании с родины, ушел в Фессалонику; здесь, став монахом, чрез несколько времени посвящается во перья. Немного спустя он с преподобным Григорием Декаполитом отправляется в Константинополь, где проводит жизнь в затворе и аскетических подвигах. Когда возросла христорборческая ересь, он посылается Декаполитом в Рим, но попадает в критскую тюрьму, где пребывает до смерти начоловождя иконоборцев Феофила. Возвратившись в Константинополь, он не застаёт Григория в живых, строит храм в честь святого апостола Варфоломея вместе с Григорием и т. д.

Как видим, кроме одной определенной даты о времени выступления преподобного песнописца на общественное служение, здесь нет еще никаких хронологических указаний. Но здесь синаксариста Никодима дополняет К. Икономос. В предисловии он указывает, что Иосиф вместе с матерью и братьями переселился в Пелопонес около 815 года; из Пелопонеса ушел в Фессалонику, где упражнялся в божественной мудрости и монашеских подвигах и после удостоен священства. Из Солуни он с преподобным Григорием Декаполитом ушел в Константинополь, где прожил достаточно времени. Когда же опять был возжжен огонь иконоборчества при императоре-иконоборце Феофиле (832), то блаженный Иосиф отправился в Рим, но попал в критскую тюрьму, откуда освобожден после смерти Феофила († 842). Сколько лет было Иосифу, когда он переселился в Пелопонес, К. Икономос не говорит, но во всяком случае, он не был отроком, беспомощным мальчиком, так как он вскоре же заявил себя решительным самостоятельным шагом, удалившись один из Пелопонеса в Фессалонику, где и постригся в одном из монастырей. В Феофановом житии говорится, что Иосиф прибыл в Фессалонику, не нося еще затененного молодым пушком лица, ибо достиг пятнадцати лет³¹. Если он принял пострижение в 15 лет, а постригся он вскоре же по разлучении с родными, с которыми пришел в Пелопонес в 815 году, то время рождения святого Иосифа нужно отнести к самому началу IX или концу VIII века, точнее, к 799—800 годам. Так смотрит на дело Амари, полагая рождение преподобного Иосифа в 800 году³².

На таком заключении мы, кажется, и должны бы были остановиться. Но существует еще одно научное мнение, которое отодвигает время рождения преподобного песнописца еще далее лет на пятнадцать и выступление преподобного Иосифа на общественную деятельность относит ко времени императора Льва Армяннина. Это мнение самое распространенное, имеющее основание в источниках и исторических соображениях. Из источников укажем Большое житие, написанное диаконом Иоанном, синаксарь Константинопольской церкви по кодексу Сирмундову и некоторые другие; все они прямо и определенно говорят, что святой Иосиф выступил со своею противиконоборческою деятельностью вместе с преподобным Григорием Декаполитом, когда царствовал нечестивый Лев Армяннин³³.

Исторические же соображения исходят из факта совместной подвижнической и общественной деятельности святого Иосифа с преподобным Григорием Декаполитом. Правда, на основании житий и синаксарных сказаний о преподобном Григории можно оспаривать это, так как там нет ни слова о преподобном Иосифе; но в житиях последнего, и даже самых кратких синаксарных о нем сказаниях, везде говорится об

этой совместной их жизни сначала в монастыре Латома, а потом и в Константинополе. Так как, говорят, преподобный Григорий Декаполит умер в конце 816 или начале 817 года, после того как он послал святого Иосифа в Рим к папе, то, следовательно, все это было в иконоборчество императора Льва Армянина, и рождение преподобного Иосифа поэтому мы должны относить по меньшей мере ко второй половине последней четверти VIII столетия (гг. 785—787). Против указанных источников и исторических соображений до обнародования текста краткого жития, написанного Феофаном, совершенно невозможно было возражать что-либо по существу. И все здание, построенное исторической наукой, было, по-видимому, прочно. Собственно говоря, главным основанием, на котором всецело строилось это здание, было Большое житие преподобного Иосифа, написанное диаконом Иоанном; на нем основывались и остальные источники, как синаксари и прологи; от него же всецело зависели и указанные исторические соображения и сопоставления. Но с обнародованием текста Краткого жития Феофановской редакции оказалось, что здание стояло не на совсем прочном основании. В Феофановском житии, как мы уже указывали, ясно дается понять, что выступление преподобного Иосифа на общественную деятельность относится к тому времени, «когда царская власть недостойно находилась в руках такого человека, который более ненавидел Бога, чем любил. Имея в виду почти постоянный прием греческих писателей — в имени лица находить соответствие или несоответствие с его характером и поведением, нередко вопреки всяким законам грамматики, мы с уверенностью заключаем, что и в приведенном месте под этой описательной формулой скрывается Феофил, который, соответственно своему имени, должен бы более любить Бога, а он ненавидел Его. Этой описательной формуле мы придаем большее значение, чем если бы автор обозначил здесь одно только имя. Имя можно исказить, поправить, но целую характеристику, по соответствию или несоответствию с именем, несравненно труднее и почти невозможно, без нарушения целостности рассказа. Итак, целой описательной формулой автор Малого жития вполне определенно указал того, кого хотел указать. В другом месте, в главе VIII, он уже прямо называет Феофила, но с таким оттенком, который не оставляет никакого сомнения в правильности нашего понимания описательной формулы VI главы. Именно, говоря о явлении преподобному Иосифу в критской тюрьме Святителя Николая с извещением о скором прекращении тяжелого для Церкви времени иконоборчества, он замечает: «Все это исполнилось на утро самым удивительным образом (гл. VII). В то время, когда у защитника ереси, говорю, у царя Феофила, было справедливо отнято и царское достоинство и его жизнь, Церковь получила все иконное благолепие». Из самого рассказа получается такое впечатление, что защитник ереси есть именно то лицо, которое упоминалось ранее, хотя и не прямо по имени; автор как бы так говорит: «Защитник ереси, то есть известный уже царь Феофил». Отсюда такой общий вывод: святой Иосиф выступил на общественную противоиконоборческую деятельность при царе Феофиле. Он выступил не один, а с преподобным Григорием Декаполитом; следовательно, последний умер не в 816 году, а после 832 года, когда поднялось иконоборческое движение при Феофиле. Таков несомненный вывод на основании недавно обнародованного жития святого Иосифа Феофанов-

ской редакции. Возможное подтверждение этому можно найти в Афонской рукописи № 769 Пантелеимонова монастыря и греческом рукописном Прологе № 240 Ленинградской Публичной библиотеки. В первой рукописи, как мы уже указывали, время выступления преподобного Иосифа на общественную противиконоборческую деятельность определяется так: когда возродилась христорборческая ересь нечестивого иконоборца Льва (может быть, Исавра, может быть, Армянина), разумеется, уже не при Льве, а при последующем иконоборце, каковым, как мы видели по ясному дальнейшему рассказу, был император Феофил. В греческой рукописи № 240 Ленинградской Публичной библиотеки было сказано общё, но в полном соответствии с Афонской рукописью: «Когда же возродилась христорборческая ересь иконоборцев». Судя по дальнейшему рассказу этой рукописи, разумеется время императора Феофила. Наше предположение укрепляют и следующие соображения: если мы будем опираться на данные Большого жития, то, во-первых, для нас будет непонятен факт обращения православных к преподобному Григорию Декаполиту с просьбой послать святого Иосифа в Рим послом к папе. На самом деле, почему все православное население Константинополя и, вероятно, окрестностей обратилось к Григорию? Мы знаем из того времени другого мужа, человека необыкновенной духовной силы, гений которого наложил свою печать на целую эпоху Византии. Мы разумеем преподобного Феодора Студита, редчайшего борца за Православие и, можно сказать, единственного руководителя и советника в духовной жизни. Несмотря на такой громадный авторитет преподобного Феодора, мы все-таки видим, что православное общество обращается с ходатайством не к нему, а к Григорию Декаполиту, человеку, несомненно известному, но не в такой степени. Чем это объяснить? Сказать, что преподобный Феодор в то время был в изгнании, — не объясняет дела, так как преподобный Феодор и в изгнании продолжал руководить православными, громадной перепиской поддерживая в них дух бодрости, и даже сам обращался письменно и к папе, и к патриархам. Скорее всего это можно объяснить тем, что преподобного Феодора уже в живых тогда не было. Когда православные лишились таких своих защитников, как преподобный Феодор, а это уже после 826 года, то они обратились к Григорию и Иосифу.

Во-вторых, если мы будем считать, что преподобный Иосиф возвратился из критской тюрьмы по смерти Льва Армянина (25 декабря 820 года), то у нас получится большое затруднение с дальнейшим историческим материалом из жизни преподобного Иосифа. Допустим, что он возвратился из ссылки в Константинополь в 821 году. Здесь он узнает о смерти своего учителя и друга преподобного Григория Декаполита, горько оплакивает его и наконец решается остаться на месте его подвигов вместе с учеником преподобного Григория Иоанном. Сколько лет он находится здесь, точно неизвестно. Но оба главных источника одинаково утверждают, что он живет тут «много времени»³⁴. Вероятно, не год, не два, а гораздо более. По смерти Иоанна, ученика преподобного Григория Декаполита, преподобный Иосиф переходит ко храму св. Иоанна Златоустого и живет здесь в продолжение пяти лет³⁵. Здесь около него собирается множество лиц, желающих монашеской жизни, и он устраивает свой монастырь³⁶. При таком распределении исторического материала (а он взят всецело из двух основных источ-

ников — житий Большого и Малого) получается, что основание и усиленный рост монастыря, да еще в пределах самого Константинополя, падает как раз на время царствования Феофила, точнее, почти на начало иконоборческого движения, поднятого этим императором (832). Мы не можем допустить появления в пределах столицы нового монастыря, быстро наполняющегося монашествующими, в то время, когда всех монахов и вообще лиц, так или иначе сочувствующих монашествующим и их идеям, изгоняли, сажали в тюрьмы, словом всячески и «нешадно» преследовали, как защитников иконопочитания. Открытие и быстрый рост монастыря возможны во времена свободы Церкви от иконоборческих движений, в эпохи свободного распространения монашеских идей. А такое время наступило в Церкви только после смерти императора Феофила († 842).

Таким образом, мы не можем признать указания Большого жития о выступлении преподобного Иосифа на общественную деятельность при императоре Льве Армянине правильным и всецело стоим на почве Малого жития Феофановской редакции, как жития более древнего и как написанного непосредственным учеником преподобного Иосифа Песнописца. Правда, некоторые ученые находят выход: они начальную дату о выступлении на общественную деятельность преподобного Иосифа берут из Большого жития, а возвращение из критской тюрьмы определяют по Малому; иначе сказать, преподобный Иосиф с Григорием Декаполитом выступили со своею деятельностью при Льве Армянине, а возвратился святой Иосиф с Крита после смерти императора Феофила, пробыв в тюрьме, таким образом, 27 лет³⁷.

Нас смущает слишком продолжительное пребывание преподобного песнописца в критской тюрьме, тем более, что в житиях и синаксарных сказаниях нет на эту продолжительность ни малейшего намека. После смерти Льва Армянина, как известно, наступили довольно благоприятные для иконопочитателей времена, по крайней мере не было преследования их, а все заключенные по тюрьмам и находящиеся в ссылке за иконопочитание получили свободу. Это время сравнительного церковного спокойствия падает на царствование Михаила Травла (с 820 года) и на начало царствования Феофила (с 829 до 832 года). А с 832 до 842 года опять возобновляется гонение на иконы и иконопочитателей. Следовательно, весь 27-летний период пребывания преподобного Иосифа в тюрьме складывается из 5—6 лет иконоборчества при Льве Армянине; 12 лет спокойствия при Михаиле Травле и Феофиле и 10 лет опять иконоборчества при Феофиле. Между тем, судя по житиям, все время пребывания святого Иосифа в критской тюрьме было непрерывным гонением на иконы, без всякого намека на какой-либо перерыв, и преподобный Иосиф извещается небесным вестником о прекращении именно этого тяжелого времени. Далее, перемена направления государственной политики в отношении иконопочитателей, происшедшая по смерти Льва Армянина, несомненно, должна была так или иначе сказаться на судьбе Иосифа. Но этого мы не видим. Даже если бы в этот двенадцатилетний период сравнительной тишины и церковного мира преподобный Иосиф и не получил свободы, то все-таки он мог бы быть осведомлен о совершающихся событиях, мог узнать о кончине своего друга и отца преподобного Григория Декаполита. Но в житии эта кончина представляется полнейшей неожиданностью для святого Иосифа, весь-

ма сильно действующей своей, так сказать, недавней, непосредственной остротой.

Словом, мы не можем принять этот 27-летний период пребывания преподобного Иосифа в критской тюрьме. Что-нибудь одно: или если святой Иосиф получил свободу по смерти иконоборца Феофила, то при нем же он и попал в критскую тюрьму; если же он выступил на общественную деятельность при Льве Армянине, при нем отправился в Рим и попал в критскую тюрьму, то возвратился обратно в Константинополь только после его смерти (820). По высказанным выше соображениям и на основании Малого жития Феофановской редакции мы склоняемся к первому мнению, что преподобный Иосиф выступил впервые защитником святых икон вместе с преподобным Григорием Декаполитом именно при императоре Феофиле (832), по смерти которого он и возвратился из критской тюрьмы. В этом убеждают нас и другие древнейшие источники. Например, один из древнейших исторических памятников, близкий к той эпохе. Месяцеслов Василия императора прямо говорит, что святой Иосиф прибыл в Константинополь³⁸. То же самое утверждает и Петровым Прологом по рукописи Афонского Пантелеимонова монастыря: преподобный Иосиф получил свободу, «когда была прервана жизнь защитника ереси Феофила»³⁹. Таким образом, все убеждает нас признать выступление преподобного Иосифа при Феофиле, а рождение его отнести к концу VIII или началу IX века.

Родителями преподобного Иосифа были Плотин и Агафия⁴⁰. Как-то было их социальное положение и имущественное состояние, мы не знаем. Первый биограф преподобного, Феофан, не дает о них никаких подробностей. Он только отмечает, что они сияли благочестием и заботились не о том только, чтобы вскормить своего сына телесно, физически, но и возрастить его духовно, в религиозно-нравственных навыках, напитать его священными знаниями⁴¹. Понятие благочестия имело тогда известное содержание и само собою предполагало Православие, строгое исполнение уставов и постановлений церковных, молитвенные подвиги, скромный, умеренный образ жизни, разного рода добродетели, особенно благотворительность в виде подаяния милостыни, приюта странников, оказания той или другой помощи неимущим, страждущим, больным и под. На эти черты семейной атмосферы указывает второй биограф преподобного Иосифа, диакон Иоанн, характеризуя подробно его родителей. «Оба были, — говорит он, — ревнителями добродетелей и исполнителями Божественных велений. Он был богат верою в Бога; она же, оставив блага этой жизни, к одному Богу обращала душу, чтобы благодарно и в чистоте пройти житейское море, так что оба процветали, как псаломский виноград, и зрелыми плодами добродетелей многих привлекали к подражанию. Ибо они не стремились к удовольствию и изнеженности, как живущие в мире и работающие плоти и управляемые одной заботой естества, но, довольствуясь одним необходимым и настолько, чтобы содержать тело в смирении, они излишнее раздавали в руки бедных»⁴².

В греческой семье все домашнее хозяйство и воспитание детей всецело находилось в руках матери. И семья преподобного Иосифа, думается, не представляла в этом отношении какого-либо исключения. Правда, мы не имеем никаких данных в источниках, как управляла домом и воспитывала детей Агафия, но по аналогичным примерам из

того же времени (например, мать преподобного Феодора Студита Феоктиста), а потом из таких решительных поступков 14—15-летнего Иосифа, как оставление родителей и пострижение в монашество, мы можем заключить, что, вероятно, семья, где рос преподобный, была из таких, где, по словам одного французского историка-византиниста (Шарля Диля), «религия убила все остальное»⁴³, где все было проникнуто благочестием, и детство преподобного Иосифа было овеяно духом благочестивой серьезности и молитвенной настроенности. Семья была первой школой для посева и возрастания в юной душе святого Иосифа семян религиозно-нравственной жизни. Семейная атмосфера содействовала развитию и укреплению этих семян и создавала с малых лет известную настроенность с наклоном к благочестию и аскетической жизни. «Все,— говорит диакон Иоанн,— начиная от первого волоса, было в нем не по-детски и несообразно с детскими склонностями... В нем не по-детски было священное направление; язык, лепетавший по-детски, уже учился Божественным словам»⁴⁴.

Родители вели скромный и ограниченный в своих потребностях образ жизни, и Иосиф не отступал от них в тех пределах, конечно, сколько это было доступно для его детского возраста. Он был от природы одарен богатыми способностями и, при похвальном прилежании, скоро во всем оказывал успех, особенно в чтении и письме⁴⁵. Он уже имел большие знания и имел бы больше, замечает диакон Иоанн⁴⁶, если бы спокойное течение его жизни не было нарушено варварским нашествием.

Остров Сицилия очень часто подвергался нападениям варваров сарацин (агарян, арабов). В одно время, когда Иосиф еще жил на острове, «множество соединенных варваров»⁴⁷ окружили и захватили отечество преподобного. Нападение было весьма ужасно. Оно сопровождалось самыми тяжелыми бедствиями и опустошением всего острова. Одни из жителей были поголовно истреблены; другие были поработены и отведены в чужие страны; иные же, бросив всё свое имущество, спаслись бегством. В числе последних были и родители Иосифа, убежавшие в Пелопонес со своими детьми⁴⁸. Однако Иосиф не остался с ними. Он покинул родных и ушел на север, в главный город Македонии — Фессалонику. Хотя он был еще очень молод, был только пятнадцати лет⁴⁹, но мотивы этого удаления обнаруживают в нем зрелую серьезность⁵⁰ и решимость всецело отдаться аскетической жизни, чтобы «не быть запятнанным житейскими сквернами и не возвратиться к обыкновенной жизни»⁵¹, или, как у диакона Иоанна, «чтобы быть участником высшего града и точным исполнением заповедей обрести Бога»⁵². Любовь к родителям могла быть для него некоторым препятствием к обнаружению истинной любви к Богу, могла связывать его стремления к совершенному воздержанию. Чтобы не было препятствия со стороны того, «к чему природа приучает относиться более нежно»⁵³, Иосиф удаляется от родителей и избирает для себя один из фессалоникийских монастырей, вероятно, находящийся на окраине города, в местности, где были каменоломни. Здесь он постригается и поручает себя руководству игумена, весьма воздержанного и благочестивого мужа, избранного в руководителя братьев за свои нравственные качества и добродетели⁵⁴. Облекшись в монашеский чин только в 15 лет⁵⁵, святой Иосиф не по летам предался строгой подвижнической жизни, так

что удивлял и игумена, и других монахов. Он чрезмерно постился⁵⁶ и вел суровый образ жизни. Он носил простую грубую одежду. Ложем ему была земля, покрытая кожей; пищей — хлеб один и питьем вода, всегда без вина⁵⁷. Сон был весьма краток, по сообразности с питанием. Он проводил время в постоянных беседах с Богом, во всеобщих стояниях, бесчисленных коленопреклонениях, в беспрестанном, подобно дождю, излинии слез, отчего обнажались самые ресницы и глаза лежали в глубоких впадинах. Он поражал одних чрезмерностью смирения, когда и пред смиреннейшими преклонял честную свою главу даже до земли и со всеми сохранял равную любовь, не делая никакого различия. Других удивлял воздержанием и неприступностью помысла, ибо, видя, по апостолу, противоюющий закону ума закон плоти (Рим. 7, 23), он весь устремился к закону Божию⁵⁸. Он усердно занимался изучением Священного Писания и переписыванием его, глубоко вникая в слова Божии и размышляя о них, чтобы лучше исполнить их в своей жизни. Он всюду старался извлечь для себя полезное, поучительное, всюду «ловил словесный мед и в ульях своего собственного сердца собирал сокровища с такою быстротою и природным умением, что удивлял немало и находящихся с ним, и своего учителя»⁵⁹. Особенно он заботился о высшей мудрости, суровым образом жизни и частою исповедью пред духовным отцом подавляя всякое плотское движение и нападения лукавого. При всем том он отличался и другими качествами: был нравом почителен, в рассуждениях умеренный, душой кроткий, в мыслях чистый, был незлобив, не имел коварства, не был сребролюбив, не любостяжатель, сострадательный к бедным, которым он с детства любил подавать милостыню, избегал споров и заботился о мире, никогда не позволял говорить неправду. Вообще, замечает биограф его Феофан, он старался избегать всякого зла, имея примером для себя праведников, о которых свидетельствует Писание.

Таким достойным удивления был Иосиф в своей монашеской жизни, которая являлась соединением всех добродетелей и была достойным к подражанию образцом для других. Были ли за это время замкнутой жизни и суровых аскетических подвигов в монастыре Латома у преподобного Песнописца какие-либо проявления поэтического дарования, мы не знаем. Автор Большого жития дает, по-видимому, некоторое основание к положительному решению вопроса. Он свидетельствует об Иосифе: «Когда он говорил, то издавал приятнейший меда голос, пред убеждениями которого теряла значение всякая книга. Ибо чего (только) не было в нем приятного? Если нужно уяснить глубину Писаний, то он приятностью ритма⁶⁰ превосходил баснословных сирен. Если же он предлагал нравоучительное слово, то вместе со словом успокаивалась страсть. Сами Хариты сидели на устах его, и скорее источники перестали бы течь, чем уста его разливать учение»⁶¹. Конечно, здесь риторические фигуральные выражения, но, переводя их на язык простой прозы, мы все-таки должны признать, что сладость на устах, соединенная с приятностью ритма, при изъяснении Писаний уже тогда, по-видимому, отличала поэтический склад души преподобного и давала основание говорить о нем, что сами Хариты сидели на устах его. Так по Большому житию; но ближайший ученик Иосифа — Феофан ничего не говорит об этом, он только указывает, что Латомский подвижник имел «гимны на устах и постоянно славил Бога»⁶². Вероятнее всего, что

это были уже известные тогда песнопения других песнотворцев, и во всяком случае не собственные его произведения, дар составления которых он получил только после благословения от святого апостола Варфоломея. Но характерно это замечание Малого жития. Очевидно, душевное настроение Латомского подвижника, его глубоко религиозное чувство были таковы, что само собою просились наружу и изливались в постоянных песнопениях, хотя и чужих произведений.

Высокие качества души, знание Писаний, строгая подвижническая жизнь привлекли к Иосифу внимание и симпатии всего монастырского братства, и оно просило епископа города (вероятно, Солуни) рукоположить Иосифа в сан пресвитера. Источники молчат, сколько лет было тогда Иосифу; но ранее мы указывали, что он приступил к пресвитерству со значительным монашеским опытом, получить который в короткое время он не мог. Он должен был пройти долгий сравнительно путь разнообразных подвигов и священных наук. Не повторяя высказанных выше соображений, мы полагаем, что от пострижения в монашество, которое было на 15-м году жизни преподобного, до священного сана прошло лет 10—11. Следовательно, священство он принял лет 25—26, то есть в 826—827 годах⁶³. Нет сомнения, что, сделавшись иеромонахом, преподобный Иосиф еще более усилил свои подвиги, с большим жаром предался благочестию и исполнению своих новых пресвитерских обязанностей. Великий энтузиаст монашества, усердный исполнитель церковных постановлений, он горел такою любовью к Богу, такую имел ревность к подвигам благочестия, что, по словам диакона Иоанна, готов был «совершенно отрешиться от тела и быть вместе с Возлюбленным и Почитаемым»⁶⁴.

Однако недолго ему пришлось пожить иеромонахом в Латомском монастыре. В скором времени по рукоположении приходит в Фессалонику и посещает монастырь Латома знаменитый тогда подвижник и борец за Православие преподобный Григорий Декаполит⁶⁵. В монастыре он скоро узнает благочестивого иеромонаха, знакомится, сближается с ним, и между подвижниками скоро устанавливается самая тесная духовная дружба, до такой степени, что они не могут расстаться. Поэтому, когда чрез некоторое время преподобный Григорий вследствие некоторой необходимости⁶⁶ должен был идти в столицу, то он, упросив настоятеля Латомского монастыря, берет с собой Иосифа и приходит в Константинополь. Это было в последние годы царствования императора Миханла Травла, который хотя и разделял взгляды своего предшественника на иконопочитание, однако видел, что разного рода смуты и партийная страстность в том или другом отношении весьма губительно отзывались на состоянии государства, поэтому старался держаться середины и примирить, насколько возможно, враждующие партии. Он прекратил гонения на иконопочитание, возвратил из ссылки изгнанников предшествующего царствования, но в то же время не дал никакого преимущества иконопочитателям, напротив, запретил им какие-либо публичные выступления в защиту икон, заявив на силенциуме в начале своего царствования, что он определяет сохранить Церковь в том положении, в каком принял. Такая примирительная политика разнообразных компромиссов «путем принудительного замалчивания спорного вопроса»⁶⁷ не нравилась православным, особенно горячим защитникам иконопочитания; у летописцев, авторов житий, преимущественно мона-

хов, заклеимлена, как политика теплохладности, равнодушия⁶⁸. Но сравнительно с предшествующим тяжелым для Церкви царствованием Льва Армянина, иконоборца, она давала Церкви некоторый мир и спокойствие. Изгнанники возвратились из мест своих ссылки; константинопольские монастыри опять стали наполняться монашествующими, и Церкви снова зажила сравнительно спокойной и свободной от иконоборческих волнений и гонений жизнью. Вот в такое время и при такой мирной обстановке начинается жизнь преподобных друзей в столице. Здесь они поселяются на западной окраине города, в небольшом доме около храма священномученика Антипы, находящегося недалеко от храма святого Мокия⁶⁹, и предаются усиленным аскетическим подвигам и душеполезным занятиям. Иосиф считает себя младшим сотоварищем, как бы учеником, и во всем старается брать пример с преподобного Григория, укрепляя в себе прежде всего те добродетели, в которых он уже упражнялся ранее, и с особенным усердием достигая новых. Место их подвигов биограф справедливо называет небом, так здесь все было чуждо земного. Это было место воспитания добродетелей; здесь учились они управлять чувствами и думать об одном горнем; здесь они жили жизнью бестелесных и как бы состязались друг с другом в стремлении к равноангельному житию. Они проводили время в тяжелых аскетических трудах, в молитве, посте, в немолчных песнопениях, в изучении Божественного Писания и постепенно восходили от силы в силу по пути нравственного совершенства⁷⁰. Такая подвижническая жизнь в Константинополе продолжалась довольно долго⁷¹ и была прервана новым иконоборческим движением.

Воцарившийся после Михаила († 829) сын его Феофил вначале продолжал церковную политику своего отца. Но если последний и мог долго держаться указанного выше направления, то молодой и энергичный сын, может быть, и не без влияния своего учителя Иоанна Грамматика, не мог удовлетворяться подобным состоянием индифферентизма и в стремлении к государственному и обществу реформам перешел на путь открытой борьбы против тех, кого он считал противниками своих начинаний, и прежде всего против консервативной партии, которая держалась иконопочитания, особенно же против монашествующих, как самых ярых представителей консерватизма и усерднейших иконопочитателей. С 832 года император Феофил явно становится на путь ограничений и репрессий, сначала слабых, но потом всё усиливающихся более и более и, наконец, обратившихся в самые крутые меры против иконопочитания и иконопочитателей. Монахи-летописцы, хроникеры и авторы разных житий в порыве негодования наделяют Феофила разнообразными эпитетами⁷², представляя его ужасным нечестивцем, прямо извергом рода человеческого или, судя по аттестации писателя жития Михаила Синкелла, «злейшим из всех до него царствовавших»⁷³. В интересах правды должно в значительной степени умерить этот понятный монашеский порыв и все-таки признать Феофила действительно сильным иконоборцем, пожалуй, самым сильным в IX веке, но значительно уступающим императорам-иконоборцам VIII века⁷⁴. В 832 году Феофил издал эдикт о запрещении иконопочитания. Ближайшим своим помощником он имел своего учителя Иоанна Грамматика, которого поставил патриархом. Последний вскоре составил второй иконоборческий собор, повторивший орос собора 754 года и подтвердивший

анафему на иконопочитание и иконопочитателей. Кроме того, император издал приказ об изгнании из городских монастырей всех монахов, твердо стоявших за иконы, запретив им, равно и пустынноикам, под строгим наказанием, входить в города и села. Осужденное высшей и светской, и церковной властью, иконопочитание теперь подвергалось преследованию. Иконы отбирались и уничтожались, почитатели подвергались оскорблениям, лишению чинов и имущества, заключению в тюрьмы и изгнанию; особенно преследовались монашествующие. Тяжелую руку иконоборцев испытали главным образом церкви и монастыри столицы и ближайших окрестностей⁷⁵. Отсюда более всего было изгнанных и беженцев. Много бедствий испытали тогда православные, многие оставили столицу, бежали в западные провинции, на берега Адриатики, на южное побережье Италии и пр., другие скрывались в горах и пещерах. Автор Малого жития не сообщает никаких подробностей этого гонения⁷⁶. Равным образом он ничего не говорит о том, выступили ли в это время святые подвижники с протестом и проявили ли вообще какую-либо противоиконоборческую деятельность. Молчание странное, особенно для автора Малого жития, как ближайшего ученика преподобного Иосифа. Невольно закрадывается сомнение, было ли вообще какое-либо публичное противоиконоборческое выступление со стороны Иосифа и его друга и учителя. Связь событий в Малом житии представляется в таком виде: поднялось гонение на иконопочитание, произошло большое смущение в Церкви и колебание среди православных; защитники иконопочитания, а это большей частью монашествующие, конечно, старались принять свои меры. И вот одну из них они поручают выполнить Иосифу. Мера — самая последняя, экстренная — это обращение за помощью на Запад, к папе. Об этом согласно говорят оба жития и все известные нам синаксари. Нам думается, что святые друзья не остались безучастны. Обстоятельства были таковы, что преступно было молчать, и подвижники так или иначе должны были реагировать на совершающиеся события. Может быть, эта деятельность их выразилась в форме, которую представляет автор Большого жития, то есть преподобный Григорий смело ходил по городу, дерзновенно проповедовал Православие и убеждал держаться православного учения, не повиноваться царю, приводящему народ в заблуждение, и т. д. Вероятно, и Иосиф принимал здесь непосредственное участие. По крайней мере за это говорит единство их взглядов и интересов, теснейшая их близость. Как бы то ни было, но преподобные друзья являются в глазах столичного православного общества видными борцами за Православие, почему православные и обращаются к преподобному Григорию с просьбой послать в Рим Иосифа. Уже самый факт подобного обращения к преподобным Григорию и Иосифу многозначителен, а подробности этого обстоятельства раскрывают перед нами интересные мотивы, по которым столичное православное население остановило свое внимание именно на Иосифе. «Все православные, — говорится в Малом житии, — видели достоинство и святость этого мужа, приятного в словах, и считали годным к посольству»⁷⁷. Очевидно, Иосиф тут был не новичок и успел зарекомендовать себя с самой хорошей стороны, и это, конечно, сделал в продолжительной совместной с преподобным Григорием Декаполитом жизни в столице и в совместной деятельности с ним же на защиту православных икон.

Итак, собравшиеся к преподобному Григорию православные⁷⁸ представляют ему общее ходатайство послать Иосифа в Рим, чтобы возвестить «папе и сущим там»⁷⁹ о всех лютых обстоятельствах, постигших Православную Церковь⁸⁰, и получить оттуда помощь. Это сообщение биографа весьма важно и интересно для характеристики политических воззрений Иосифа. Обращение за помощью на Запад характеризует известную часть византийского общества, взгляды которого, очевидно, разделяли и преподобные Григорий и Иосиф.

В Византии издавна обозначались два направления политической жизни, противоположные по своим взглядам, стремлениям и задачам. Не входя в подробное рассмотрение их причин, отметим только, что в первичной основе эти два направления, не так резко определявшиеся вначале, имели национальное разделение на Восток и Запад, хотя без точного проведения территориальных между ними границ. С течением времени не без влияния той или другой этнографической группы путем различных наслоений и прибавлений политического, социального и церковного характера они стали выявляться все сильнее и резче и в интересующее нас время выразились в партиях иконоборцев и иконопочитателей, а в последующее, когда Православие уже восторжествовало, в партиях либералов политиков, с одной стороны, и консерваторов церковников, с другой.

Нигде политическая жизнь не переплеталась так тесно и глубоко с церковной, как в Византии. Здесь нередко под внешностью церковных событий скрывалась политическая подкладка, как и наоборот, политические события совершались при участии и влиянии Церкви. Неоднократно во всю высоту вставал вопрос о преобладании в государственной жизни того или другого элемента — политического или церковного. Этот вопрос, в зависимости от характера лиц, стоявших во главе того или другого направления, вносил особенную страстность в отношения, углублял и усиливал разделения. Особенно это нужно сказать об эпохе иконоборчества и главным образом о IX веке. Под знаменем вопроса об отношении к иконам шла сильная борьба между государственной властью и церковной, каждая отстаивала свои права, свою самостоятельность. Эта борьба поделила всю Византию, как сказано выше, на иконоборцев и иконопочитателей. Борьба была неравная. Фактический перевес в VIII и почти в первой половине IX вв. был на стороне первых, так как к ним большей частью принадлежали сам император, его приближенные, высшие чиновники, нередко высшее духовенство с патриархом во главе⁸¹ и полководцы войск. Вторые опирались на рассеянные по всем классам общества благочестивые элементы, на женщин, простой народ и главным образом на монашествующих. У первых была громадная физическая сила в лице войска, которое по приказанию высшей государственной власти во всякую минуту с оружием в руках могло выступить на защиту их интересов. Вторые же могли им противопоставить только горячую ревность, иногда до фанатизма, монашествующих и благочестивых мирян, проникнутых монашескими взглядами. Когда в происходящих столкновениях и борьбе истощались всякие надежды на собственные средства, а этим более страдала консервативная, церковная партия иконопочитателей, то последняя искала помощи на Западе, который в частном вопросе об иконопочитании стоял на православной точке зрения, а в общем вопросе о правах Церкви был выра-

зителем господства именно церковной власти, и в то же время Запад был вне влияния власти восточных василевсов. За помощью на Запад обращался преподобный Феодор Студит, послав в Рим преданного себе монаха Епифания. Так поступил патриарх Никифор, отправив к папе Пасхалису монаха Мефодия, ставшего потом Константинопольским патриархом. Так делает теперь и преподобный Григорий Декаполит. Может быть, и помимо политической самостоятельности авторитет Римского первосвященника, по традиции, высоко ставился восточными его почитателями, особенно членами указанной выше второй партии. Может быть, они разделяли то воззрение, которое так рельефно выразил преподобный Феодор Студит в письме к ученику своему Навкратию⁸², говоря, что Римский престол есть верховный престол, на котором Христос положил ключи веры, которой не преодолели от века и не преодолеют до скончания врата ада. По-видимому, подобных взглядов был и преподобный Иосиф. Мы можем судить об этом на основании некоторых его канонов, написанных в честь святых, пап, например, в честь папы Сильвестра (2 янв.), папы Мартина (14 апр.), и канон на поклонение честным веригам святого апостола Петра (16 янв.). Хотя эти каноны сравнительно позднейшего времени, но вполне возможно, что Иосиф и Григорий Декаполит были представителями такого именно воззрения на Римского первосвященника.

Между тем либеральная политическая партия относилась к Западу недоверчиво. Всякое обращение к папам помимо императоров, особенно в то время, считалось умалением государственного достоинства, нарушением прав свободного могучего государства, изменой национальному делу и вообще политическим преступлением. Поэтому правительство принимало решительные и жестокие меры к пресечению всяких сношений Востока с Западом, ставило кордоны, нанемало пиратов, чтобы следить за византийскими беглецами и ловить их, и т. д. Последней участи подвергся и Иосиф, отправившийся легатом в Рим. Вероятно, уже на значительном расстоянии от столицы он был захвачен на море пиратами варварами и привезен пленником на Крит. Здесь, связанный тяжелыми оковами, он был вместе с другими своими спутниками брошен в темницу. Однако такое положение не удручало Иосифа. При высокой религиозной настроенности и сильной ревности он находил в себе достаточно бодрости духа, чтобы самому радоваться этим оковам за Христа и другим заключенным подавать утешение. На острове Крите было немало таких беглецов, которые, спасаясь от иконоборствующего правительства, попадали, подобно Иосифу, в руки служивших за деньги правительству пиратов. Все такие беглецы, находясь в тюрьмах, испытывали одинаково тяжелую участь. Многие приходили от темничных бедствий и тюремного режима в отчаяние, иные были готовы отказаться от своего исповедания. Биографы указывают даже на одного епископа, бывшего там же, в темнице, который, увлечаемый разными помыслами, подвергался опасности изменить своим православным убеждениям и соединиться с теми, которые ненавидели Бога и оскорбляли образ Его. Преподобный Иосиф был ангелом утешителем для изнемогающих узников, некоторым якорем, по выражению диакона Иоанна. Он всех успокаивал, во всех старался поддержать бодрость, всех убеждал радостно переносить посланные бедствия, не тяготиться ими и твердо стоять за святые иконы. Конечно, сильнее всяких слов

действовало его собственное настроенне и поведение. Под влиянием его слов, его примера некоторые из заключенных мученичеством за- свидетельствовали стойкость своих убеждений⁸³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Dictionnaire d'Archéologie chrétienne et de liturgie par F. Cabrol et H. Leclercq. Paris, 1925, t. VI, col. 2888.
- ² Migne, PG., t. CV, p. 936; Acta SS. Apr., t. I.
- ³ Ibid. гл. XII, с. 10. Патриарха Фотия Малое житие называет приснопамятным, следовательно, уже умершим.
- ⁴ А. Пападопуло-Керамевс. Изд. жит., пред IV.
- ⁵ Ibid., гл. I, с. 4.
- ⁶ Ibid., гл. XI, с. 9—10.
- ⁷ Ibid., гл. XIV, с. 11—12.
- ⁸ Не скрыл ли автор самого себя, то есть не тот ли он, кто приведен был к Иосифу за благословением и тотчас же стал называться его учеником? Так как Феофан упоминает о нем ранее других, то не был ли он одним из первых учеников?
- ⁹ Житие, гл. I, с. 4.
- ¹⁰ Ibid., гл. XVI, с. 13.
- ¹¹ А. И. Пападопуло-Керамевс. Житие, пред. II с.
- ¹² Он же. Сборник греческих и латинских памятников, касающихся патриарха Фотия. 1901, вып. II, с. 16.
- ¹³ Migne, PG., t. CV, col. 941.
- ¹⁴ Ibid., col. 936.
- ¹⁵ А. И. Пападопуло-Керамевс. Житие, пред. V с.
- ¹⁶ Migne, PG., t. CV, col., 968, XXV гл. жития.
- ¹⁷ Ibid., гл. XXX, col. 969.
- ¹⁸ А. И. Пападопуло-Керамевс. Житие, пред. V—VII с.
- ¹⁹ Migne, PG., t. CV, col. 976.
- ²⁰ Этот канон по-гречески мы нашли в греческой рукописной Минее № 51 Пантелеимонова Афонского монастыря.
- ²¹ Византийский временник. 1911, т. XVII, с. 85.
- ²² Там же; ср.: Хрисанф Лопарев. «Византийские жития святых VIII—IX вв.».
- ²³ Или еще ср.: Гл. VII—XIII, с. IX, I кан. и др.
- ²⁴ Византийский временник 1911, т. XVII, вып. 1—4; 1913, т. XVIII. Хрисанф Лопарев. «Византийские жития святых VIII—IX вв.». Есть отдельное издание 1914 года под названием «Греческие жития святых VIII—IX вв.».
- ²⁵ Малое житие, гл. V, с. 16.
- ²⁶ Малое житие, III, IV и V гл., с. 3—5.
- ²⁷ Греческая рукопись Пантелеимонова монастыря, № 61, л. 74.
- ²⁸ Греческий рукописный Петров. Пролог той же библиотеки, № 769, л. 220.
- ²⁹ Интересно сделать сопоставление: преподобный Феодор Студит, родившийся в 759 году, посвящен в иеромонахи около 789—790 гг., т. е. 30—31 года. См.: Твор. преп. Феодора Студита, изд. СПб. Духовной Академии, 1907—1908, т. I, материал: 1-е жит., с. 10; 2-е жит., с. 74—75.
- ³⁰ Мы имеем пример раннейшего рукоположения в пресвитерский сан в лице преподобного Феодора Сикеота. По житию (см. Слав. Чет. Минен, апр. 22), преподобный Феодор был хиротонисан 18-ти лет. Рукополагавший его Анастасиупольский епископ Феодосий при этом выразился о преподобном: «Достоин есть такован и прежде подobaющего времени хиротонисан быти, в нем же благодать Божия, время исполняя, жителствует. Ибо святой апостол Павел святого Тимофея юна суща епископского сана сподоби». Замечательная подробность. Очевидно, епископ, считаясь с необычайностью подобного факта, находил для себя необходимым привести оправдание своего поступка, а биограф преподобного — отметить его в житии как особенное событие в жизни святого Феодора. Подобно преподобному Феодору Сикеоту, жития святых делают замечание о раннем епископстве священомученика Климента Анкирского, поставленного епископом в 20 лет: «Иже юн сый, старых разумом и добродетелью превзыде, показа, яко старость не в числе лет исчисляется, но в добродетельном житии и премудрости» (Янв. Жит. Св. Четьи Минен, 1888, с. 138 и об.). Ничего подобного мы не имеем в житиях святого песнописца.
- ³¹ Малое житие, гл. III, с. 3.

- ³² Византийский временник, т. XVIII; ср.: *Хрисанф Лопарев*. Указ. соч., с. 2; ср.: *M. Amari-Storia dei Musulmani di Sicilia*, I. Firenze, 1854, I, 533.
- ³³ *Migne*, PG., t. 105, col. 950; ср.: *Synaxar. Hippolyti Delehaye*. 1902, col. 582, Греческая Афонская рукопись Петр. Прол. Пант. мон., № 769, л. 220 об.
- ³⁴ Малое житие, гл. IX, с. 7. Большое житие, гл. XXIV: «многое время».
- ³⁵ Малое житие, гл. IX, с. 7.
- ³⁶ Большое житие, гл. XXIV.
- ³⁷ Византийский временник, т. VIII, с. 599—603: библиографическая заметка о житии преподобного Иосифа Феофановой редакции.
- ³⁸ *Migne*, PG, t. 117, под. 3 апр., col. 385.
- ³⁹ Афонская рукопись № 769, л. 220 об.
- ⁴⁰ Малое житие, гл. II, с. 2.
- ⁴¹ Там же, гл. III, с. 4.
- ⁴² *Migne*, PG, t. CV, col. 944.
- ⁴³ Шарль Диль. Византийские портреты. 1914, вып. I.
- ⁴⁴ *Migne*, PG, t. CV, col. 944.
- ⁴⁵ Малое житие, гл. II, с. 2.
- ⁴⁶ *Migne*, PG, t. CV, col. 944.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ Малое житие, гл. II, с. 2—3; ср.: В житии говорится, что Иосиф спасся с родителями и братьями. То же и в Большом житии, у диакона Иоанна. Но в Петровом Прологе по рукописи Афонского Пантелеимонова монастыря № 769 указываются только мать и сестра. В синаксаре болландистов и синаксаре, приводимом А. И. Пападопуло-Керамевсом после Феофанова жития, говорится, что спаслись только мать и братья. Из указанных разностей мы следуем Феофанову житию, как основному и самому древнейшему источнику.
- ⁴⁹ Там же, гл. III, с. 3. Ср.: то же в Большом житии (*Migne*, PG, t. CV, col. 945).
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² *Migne*, PG, t. CV, col. 945.
- ⁵³ Малое житие, гл. III, с. 3.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же; ср.: Синакс. Константиноп. Церкви, изд. Н. Delehaye, 1902, col. 581—582.
- ⁵⁶ В Большом житии говорится, что он придумал себе новый пост, чтобы обуздать (тело) и в то же время скрыть свое усердие (см.: *Migne*, PG, t. CV, p. 945).
- ⁵⁷ Малое житие, гл. III, с. 3.
- ⁵⁸ *Migne*, PG, t. CV, p. 930.
- ⁵⁹ Малое житие, гл. III, с. 4.
- ⁶⁰ *Migne*, PG, CV, p. 949.
- ⁶¹ Ibid.
- ⁶² Малое житие, гл. III, с. 3—4.
- ⁶³ Болландисты, стоя всецело на Большом житии, тоже приближаются к подобным данным, полагая, что преподобный Иосиф был послан легатом к папе, имея около 30 лет (см.: *Migne*, PG, t. CV, col. 953). До этого же он живет иеромонахом довольно значительное время — сначала в монастыре Латома, а потом в Константинополе вместе с Григорием Декаполитом. Если положить на это 4—5 лет, то получится то же время, на какое указываем мы, то есть 25—26 лет.
- ⁶⁴ *Migne*, PG, t. CV, p. 952.
- ⁶⁵ Малое житие Феофана дает некоторое основание заключить, что этот приход в Солунский монастырь преподобного Григория Декаполита относится к самому ближайшему времени по рукоположении Иосифа, именно, когда он еще пользовался руководством других в том, что свойственно совершать священникам, или, выражаясь современным языком, был как бы ставленником (см.: Малое житие, гл. V, с. 5).
- ⁶⁶ Афонский рукописный Пролог № 769 дает определенную причину последнего посещения преподобным Григорием Декаполитом Византии, если только в житии святого Иосифа разумеется это посещение, именно: свидание с родственником Симеоном Исповедником (Месяц. Василия Императора.— См.: *Migne*, PG, t. CXVII, col. 172).
- ⁶⁷ Профессор А. А. Васильев. Лекции по истории Византии. 1917, т. I, 269.
- ⁶⁸ Acta SS. Nov. 11, 372. Житие преподобного Иоанникия Великого, написанное Саввой: Восстановление Православия, по предсказанию Иоанникия Великого, исполнилось после 6 с половиной лет безбожия Льва, 8 лет и 9 месяцев равнодушия Михаила.
- ⁶⁹ Малое житие, гл. V, с. 5. Место пребывания Иосифа и Григория Декаполита

в столице до обнаружения Малого жития Феофана было точно неизвестно, так как малоопределенно было положение храма священномученика Антипы. Почему такие осторожные исследователи, как Du-Cange и его последователи не указывали точной его топографии? Du-Cange в своем капитальном и, можно сказать, единственном труде "Constantinopolis Christ", lib. IV, на с. 80—97 (по Венец. изд. 1729) под цифрой 9, на основании жития преподобного Иосифа, отмечает храм священномученика Антипы и говорит, что он в 12-м году царствования Василия Македонянина был разрушен землетрясением, как видно под 9 декабря Миней из жития преподобного Стефана Константинопольского (Kalendarium Ecclesiae Constantinopol. Romae, 1788. Vol. II, p. 86). Но Мануил Геден сообщает некоторые дополнения, вносящие путаницу. Он говорит, что храм во имя священномученика Антипы, как видно из жития Иосифа Песнописца, был в Константинополе в IX веке. В 878 году (т. е. на 12-м году царствования Василия) он упал от землетрясения, как видно из жития Стефана. «Думаю, — продолжает Геден, — что это (то есть падение храма от землетрясения) говорится о другом храме этого святого Антипы, находящемся между местностями святого Стефана и Регнума, теперь Киучук-Чекмедзе. Храм же, при котором пребывал Иосиф Песнописец, был построен внутри города». По Гедену выходит, таким образом, что в Константинополе были два храма в честь священномученика Антипы: один за городом, а другой — в городе. Разрушен от землетрясения, по его мнению, первый. При нем, очевидно, жил и упоминаемый преподобный Стефан. Но тогда странно, что о втором храме, при котором жил преподобный Иосиф, нет никаких положительных известий и даже упоминаний. Скорее, другого не было совсем. Если бы он был, зачем бы совершать тогда «собор» священномученика Антипы в храме святого Иоанна Богослова? Мы считаем, что был один храм, в городе, и, судя по Малому житию, около святого Мокня; при нем жил преподобный Песнописец со своим учителем Григорием Декаполитом. При Василии Македоняине этот храм упал от землетрясения, почему празднование памяти священномученика Антипы стало совершаться в храме святого апостола Иоанна Богослова. Для любителей тихой уединенной жизни, конечно, лучше всего подходили окраины города или близкие к ней местности, а такую, несомненно, была местность около храма святого Мокня. Указание на это отчасти можно видеть и в той поправке, по которой устанавливается, что Иосиф жил при храме божественного Анфима, близ храма святого Мокня. И храм святого Анфима, и храм святого Мокня были в одной местности, именно на западной окраине столицы, почти прямо на север от Студийского монастыря.

На другое совершенно место указывает автор Большого жития диакон Иоанн; он говорит, что святые друзья затворились при храме святых мучеников Сергия и Вакха. Это уже в юго-восточной части Константинополя, на берегу Пропонтиды. Кому больше верить? Из двух разноречивых показаний мы отдаем предпочтение автору Малого жития, как ближайшему ученику преподобного Иосифа. Диакон же Иоанн писал свое житие *minimum* через сто лет, и писал по пережившему себя, спутанному преданию, пользуясь какими-то неизвестными для нас источниками. Правда, он говорит, что под руками имел труд Феофана, то есть наше Малое житие, но почему-то сделал в указании места Константинопольского жительства Иосифа поправку. Здесь можно сделать два предположения: или в находящейся у диакона Иоанна рукописи Малого жития Феофановой редакции просто было сказано, что они поселились при храме священномученика Антипы, или диакон Иоанн руководился таким соображением. Когда он писал свой труд, то храма священномученика Антипы не существовало, и самая память святого, как сказано выше, праздновалась в храме святого апостола Иоанна Богослова около святой Софии. Старое предание затемнилось и затерялось. Поместить преподобного песнописца в затворе для аскетических подвигов вместе с преподобным Григорием Декаполитом около храма святого апостола Иоанна Богослова близ Софии диакон Иоанн не мог, так как это был самый центр царских дворцов, и он оставил подвижников у монастыря святых мучеников Сергия и Вакха, ближе к морю. Присоединил еще одну любопытную подробность. Преподобный песнописец написал каноны и священномученику Антипе, и священномученику Анфиму, но нет, насколько нам известно, канона в честь святых мучеников Сергия и Вакха. Думается, этого не было бы, если бы у святого Иосифа было прежде какое-либо отношение к храму этих святых, тем более, что Иосиф старался воспеть преимущественно всех мучеников. Думаем, что Иосиф не жил при монастыре святых мучеников Сергия и Вакха.

⁷⁰ Малое житие, гл. V, с. 5—6.

⁷¹ Автор Большого жития, напротив, говорит о кратком пребывании их в Константинополе. В начале XVI главы читаем: «Немного прошло времени (разумеется с того момента, когда преподобные друзья поселились в Константинополе), как зверообразный Лев, захватив в свои руки царскую власть и давно ненавидя свв. иконы, воздвиг про-

тив них сильнейшую брань». Как же могло получиться такое совершенно противоположное определение времени пребывания святых друзей в столице? Из предисловия труда диакона Иоанна мы знаем, что он имел пред собою труд Феофана, следовательно, знал те немногие хронологические даты, какие указаны непосредственным учеником преподобного, в частности, знал и ту, на которую ссылаемся мы. Здесь можно дать одно объяснение, что такое, по-видимому, намеренное искажение хронологии вызвано было искусственным расположением всего исторического из жития преподобного Иосифа материала, с которым оперировал диакон Иоанн. Он по каким-то мотивам, вопреки Малому житию, представил противиконоборческую деятельность Иосифа в два иконоборческих царствования: при Льве Армянине и Феофиле. До наступления первого иконоборчества (815) диакон Иоанн все излагал в последовательном порядке, с указанием, по-видимому, тех же сроков, как у Феофана. Но когда он дошел до времени иконоборца Льва, то увидел, что весь исторический материал не может уложиться в поставленные им самим рамки, и поэтому, подгоняя его к своему плану, он изменил хронологию первого биографа и сократил время пребывания Иосифа в столице до начала иконоборческого движения.

⁷² Шмит Ф. И. Кахрие-Джами. Изд. Русск. Арх. института в Константинополе, т. XI, прилож. жит. Михаила Синкелла. Ср.: Migne, PG, t. CX, хроник. Георгия Амартола col. 1008. Ср. еще: Migne, t. CX, col. 1009.

⁷³ Шмит Ф. И. Кахрие-Джами, с. 238.

⁷⁴ Профессор А. А. Васильев. Указ. соч., с. 270—271.

⁷⁵ Там же, со ссылкой на труды кембриджского профессора истории Дж. Бьюри, специально исследовавшего вопрос о территориальных пределах гонений на иконопочитателей при императоре Феофиле. Сочинений Дж. Бьюри мы не могли достать.

⁷⁶ Преподобный Иосиф, к сожалению, точно так же ни в одном из своих произведений не делает даже намека на это время. Но другие песнописцы-современники — святые Феофан и Феодор Начертанные прекрасно изобразили его в трогательном подобие в честь святого великомученика Димитрия Солунского: «Приди, мученик Христов, к нам, нуждающимся в твоём сочувственном посещении, и избави озлобленных мучительными угрозами и ужасным еретическим неистовством; от них мы гонимы, как пленники и обнаженные, часто переходя с места на место и блуждая в пещерах и горах». См.: Греч. печат. Минею за окт. под 26-м числом. Венеция, 1861.

⁷⁷ Малое житие, гл. VI, с. 6.

⁷⁸ Ср.: Большое житие, гл. XVI, см.: Migne, PG, CV, p. 953.

⁷⁹ Migne, PG, t. CV, p. 953.

⁸⁰ Малое житие, гл. VI, с. 6.

⁸¹ «Когда после смерти последнего иконоборца-императора Феофила был поднят вопрос о восстановлении Православия, то царица Феодора, рассказывает продолжатель Феофана, сначала боялась, так как многие сенаторы и высшие сановники преданы ереси, в особенности за нее стоит влиятельное духовенство и сам патриарх». См.: Журнал министерства народного просвещения, 1891, часть 273, янв. Ф. И. Успенский. Константинопольский собор 842 года и утверждение Православия, с. 92 (откуда мы пользуемся выдержкой). См. там еще цитату из Иоанна Скилицы (Кедрино): «Ересь подерживали большая часть сената и синода и сам патриарх».

⁸² Migne, PG, t. XCIX, col. 1281, письмо 63 Навкратию. В русск. пер.: Изд. Петр. Дух. Акад. за 1908, т. II, с. 419.

⁸³ Малое житие, гл. VI, с. 6; Migne, t. CV, p. 957.

(Продолжение следует)